

ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ

Городинская (Бешкина) Раиса

Родилась в 1925 году и проживала в местечке Деречин Зельвенского района Гродненской области, Беларусь.

Наше местечко было оккупировано буквально на 2-ой день войны десантными частями, затем через пару дней вошли регулярные части, которые начали устанавливать «новый порядок».

До прихода регулярных частей, десантники тоже немного «развлеклись» еврейской кровью. В первый день тут же согнали всех жителей нашего местечка, невзирая на национальность, около церкви, которая была огорожена большим забором. Старший из десантников объявил о том, что территория занята немцами и приказал разделиться — евреям налево, крестьянам направо. Началась паника, крестьяне выталкивали из своих рядов евреев и не разрешали к ним присоединиться. Одним словом, все поняли, к чему это ведет, и стали прыгать через забор и убегать, кто куда. Наша семья тоже не растерялась и сумела убежать, но мы оказались все в разных местах. Кто же не сумел, поплатился жизнью. Это были первые жертвы в нашем местечке.

Назавтра наша семья собралась дома. Мы все прятались в поле, ещё не была убрана пшеница, там и ночевали. Утром подошли регулярные части, и стало тихо, как в могиле. Через пару дней организовали юденрат, через которой выполнялись все требования немецких властей, а их было очень много.

Первое: нужно было нашить жёлтые звёзды Маген Давида на левой груди спереди и сзади даже грудным младенцам. Ходить по тротуарам тоже было запрещено евреям. Только по середине улицы. Одновременно стали привлекать всех взрослых, начиная с 15-ти лет, на различные чёрные работы. Сами евреи должны были строить себе забор из колючей проволоки, по которой проходил электроток. Это называлось гетто. Были построены ворота, которые охранялись полицией. Молодые крестьяне охотно шли в полицию с надеждой поиздеваться над своими бывшими соседями. Хотя раньше жили очень дружно и мирно. Выйти за пределы гетто можно было только на работу. Если кому-то удавалось без разрешения выйти из гетто, расстрел не миновал.

ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ

Наш дом стоял в центре гетто, было у нас 4 комнаты, семья наша состояла из 5-ти человек: папа по профессии кожевник, мы имели свою фабричку, мама домохозяйка, старший брат, 1921 г., я — 1925 года. К нам подселили ещё 3 семьи с детьми, стало очень тесно, грязно, постоянная ругань, обычно между детьми, старшие понимали положение и мирились со всем. Кроме всего ещё мучил постоянно голод. Добывать что-то на пропитание — большой риск. Люди охотно ходили на принудительные работы с тем, чтобы во время выхода за пределы гетто можно было что-то обменять, и немцы тоже выделяли, как зарплату — паёк хлеба по 200 гр. на человека, если ты ходил на работу.

Я лично ходила на фабрику, где отец работал, мыла окна, полы, скребла волосы от кожи, а ведь мне было всего 16 лет. От страха меня часто рвало, но я была счастлива, что не хожу работать в казармы, где девушек насиловали, а потом и убивали. В таком страшном кошмаре мы прожили до 24.07.1942 года. Вечный страх и унижения преследовали нас. В это утро гетто оказалось окружено полицией и немцами с собаками. Мы всё поняли, и все жители нашего дома спрятались, в так называемых схронах, которые в течение этого года в каждом доме старались построить. Это были подвалы, выкопанные под полом, а наверху стояли кровати или топчаны, что маскировало вход, так же на чердаках строили двойные фронтоны, где можно было укрыться во время акции. Так мы называли наше планомерное истребление. В подвале мы просидели до ночи, слышали, как стреляют по улице, это добивали стариков, которые не могли двигаться. Слышны были крики и плач детей. В нашем схроне тоже было немало детей, но они сидели так тихо, просто удивительно, как стрессовая ситуация подействовала на них. Так просидели до ночи, когда стало тихо. Затем все вышли и увидели, что всё разграблено, теплой одежды уже не было, и мы очень спешили. Отец нас повёл на кожевенную фабрику и там спрятал нас на чердаке, а сам остался внизу, надеясь, что его не тронут как специалиста. Ведь вся верхушка немцев была одета в кожаных плащах, шитых из кожи, которую отец перерабатывал. Но спасения не было. В часов 10 утра пришли немцы из зондеркоманды, забрали отца и остальных рабочих, которые с ним были, и где-то после обеда, так примерно часов 4-5, пришли прямо на чердак за семьями. Я не растерялась и увидела люк, который выходил прямо на фабрику. С большим трудом, пока длилась паника, открыла люк и юркнула вниз, закрывая за собой этот люк. Очутилась я на шкафчике с большим орнаментом, который стоял на фабрике, это было спасением для меня. Я легла на нём, и орнамент меня закрыл. Видно, суждено мне было одной из всей семьи остаться в живых. Я пролежала на нём до того, как хорошо стемнело, и уже не слышно было криков, стрельбы. Я только услышала, как подводы отъезжали от фабрики. Как мне потом рассказали, всех расстреляли тут же во избежание побегов, и мертвецов отвозили в братские могилы, где они покоятся по сей день. Так в одночасье я осталась круглой сиротой и распрощалась с детством. Ночью вышла тихонько с фабрики, обогнула её и заскочила в туалет, который был сзади фабрики. Там ещё побыла несколько часов, затем вышла и, перейдя мелкую речку Сипа, бро-

ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ

силась бежать в направлении лесов, которые всегда были видны в Деречине на окраине.

Больше я никогда никого из своих родных не встречала, все погибли в тот же день 24.07.1942 года, день это был 9 Ава, пост «тейша бзав», это день скорби, который я отмечаю по сей день. После войны я навестила эти братские могилы, где стоит скромный камень-памятник, но некому даже положить цветочек. Я могу только добавить, когда пишу эти строки, я заново переживаю этот страх, который мной овладел, когда я блуждала по лесам в поисках чего я сама не знала, ибо о партизанах я не слышала ещё. Голодная, оборванная вся, объятая страхом — гнал меня инстинкт от смерти. Днём я пряталась в стогах сена, в кустах, кушать даже не хотелось, шла только ночью. Я потеряла счёт дням, ибо, не зная местности, я блукала, очень ослабла без еды и воды. Иногда попадались ягоды или лесная малина, даже ещё зелёная, этим я удовлетворялась. Я боялась даже собственной тени. Слышно было мычание коров, лай собак и стрельба в р-не нашего местечка, где добивали выловленных евреев. Не могу определить, сколько времени прошло, ибо потеряла счёт дням и ночам. Я выскочила из дома в одном летнем платье, оно порвалось, глаза не просыхали от слёз, не умытая, не причёсанная, вся объятая страхом, как затравленный зверь. Не находя выхода я решила сдать-ся властям, так как жить мне было запрещено лишь только потому, что я еврейка — дочь еврейского народа.

В одну из ночей после моего решения при подходе к деревне (Острове), это я потом узнала, услышал окрик: «Стой, кто идёт!» Ничего не соображая, я пошла на окрик, ибо сил на сопротивление у меня не было больше, и я решила сдать-ся. Но волею судьбы это оказались партизаны из местной деревни, которые пришли навещать своих родных и пополнить запасы продовольствия. Они меня подобрали и привезли на свою партизанскую базу. Там оказалось немало спасённых из нашего Деречина, которые влились в партизанское движение и сражались очень храбро, мстили за своих родных, за поруганную жизнь и за свободу. Многие пали в боях, многие потом воевали в частях Красной Армии, где тоже немало погибло.

Среди них и оказался мой дядя, мамин младший брат, Златогура Григорий Иосифович, в последствие погиб под Белостоком. Вестей от него я не получала. Знаю из рассказов сослуживцев.

Из спасённых в настоящее время остались:

Сара Вахлер — бывшая Агульних, Малко и Хая Юдович (Рамат-Ган); Бульковштейн (Кирьят Оно); Бобровицкий Борис (Холон); Боринштейн Белла (Хайфа); Кулаковская Маша (Кирьят Оно); Гольдман Мера (Рамат Авив); Шуламит Аувар (Ришон ле-Цион); Феликс Вайеберг; Розенберг Яков; Зельда Бен Шлемо (Холон); Багдановский Давид (Хайфа); Багдановский Элизер (Хайфа); Эпинчевский Сара (Петях Тиква); Беккек Рива (Ришон ле Цион).

Это все те, кто остался в живых из 3-х тысяч, проживающих в Деречине.